

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ (1918 г.)

В статье анализируется процесс законодательного оформления советской власти в центре и на местах после роспуска Учредительного собрания и объединения советов рабочих и солдатских депутатов с крестьянскими советами.

Ключевые слова: советы рабочих, солдатских, крестьянских депутатов, Учредительное собрание, большевики, левые эсеры.

Огромное количество статей, очерков, воспоминаний, разрозненных документальных свидетельств, обобщающих исторических исследований, размышлений и полемических оценок о способах и методах установления советской власти в центре и на местах отнюдь не исчерпало этой проблемы. Некоторые ниспровергатели советской государственности пытались доказать ее «незаконность в связи с отсутствием кворума» на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов [27, с. 283, 290]. В связи с этим вопрос о легитимности советской власти остается в историографии остро дискуссионным. Освобождение от догм марксистско-ленинской методологии способствовало более глубокому изучению теории и практики советской государственности [1; 18; 24]. Анализ подготовки, созыва и роспуска Учредительного собрания [21; 22] инициировал постановку вопроса о конституировании советской власти как в центре [15; 18], так и в провинции [2; 3; 13; 23]. Рассмотрение тактики большевиков, направленное на законодательное оформление советской государственности, позволит выявить причины победы коммунистического радикализма, способы и методы его социализации.

Провозглашение советской власти в Петрограде, губернских и некоторых уездных центрах еще не означало победы нового строя. Более того, передел власти вызвал обострение социальной напряженности в стране. Все политические силы после захвата власти большевиками сосредоточили свое внимание на крестьянских организациях, надеясь привлечь их на свою сторону. В конечном итоге окончательное решение вопроса о власти в революционной России зависело от поддержки социального большинства, которое представляло крестьянство. Учредительное собрание ведущими политическими силами рассматривалось в качестве конституанты, которая должна была узаконить существующую власть. В такой обстановке не только обострились противоречия между демократическими и социалистическими партиями, действовавшими в русской революции, но и еще больше углубился раскол среди социалистов. Этим не преминули воспользоваться большевики, рекрутировавшие союзников из числа левых, интернационалистов, максималистов среди эсеров и меньшевиков.

Одновременно умеренные социалисты усилили противодействие большевикам, стремясь помешать им укрепиться во власти на местах. Они заявили о непризнании решений II Всероссийского съезда Советов и декретов народных комиссаров, высту-

* © Кабытова Н.Н., 2012

Кабытова Надежда Николаевна (kabpetr@ssu.samara.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

пили за сохранение власти Временного правительства до Учредительного собрания. Естественно, в такой ситуации все апеллировали к крестьянству в поисках социальной поддержки своей тактики в борьбе за власть. Большевики стремились создать советы до волостей и сел включительно. Эсеры, руководившие всеми крестьянскими организациями, оказывали им противодействие. Они развернули широкую антибольшевистскую кампанию, заявляя со страниц своих центральных и местных газет: «Большевики губят родину и революцию, грабят государственную казну». В связи с приближавшимися выборами Учредительного собрания ЦК ПСР, призывая крестьян голосовать за список социалистов-революционеров, разъяснял, что так они выразят «протест против большевиков, узурпировавших власть» [8].

Там, где эсеры возглавляли не только крестьянские комитеты и советы, но и местные административные органы Временного правительства, установление советской власти на местах вызвало еще большее сопротивление антибольшевистских политических сил, чем в центре. Чтобы не допустить распространения советской власти в губернии, самарские эсеры развернули мощную контрпропаганду в ответ на организационно-административные мероприятия Ревкома. «Большевики, став у власти, не могут даже в минимальнейшей части осуществить свои демагогические лозунги и призывы... всячески поносят меньшевиков и эсеров... стараются навести тень на партию социалистов-революционеров, обвиняя ее — полувекового борца за народ — в предательстве» [10], — заявляли они. Им вторили меньшевики, обвинявшие большевиков в демагогических обещаниях: «Не мир, а рабство за ними. Не хлеб, землю и волю, а гражданскую войну, кровь, прежнее безземелие и торжество кнута несут они... Свершившийся переворот... отодвигает созыв Учредительного собрания и не может создать власти, пользующейся всенародной поддержкой» [7]. Аналогичная ситуация складывалась в Саратовской губернии, где эсеры попытались опереться на крестьян в борьбе с большевиками [13, с. 247], провозгласившими советскую власть. В Симбирской и Пензенской губерниях, где влияние большевиков было незначительным, эсеры вели превентивную антибольшевистскую агитацию. Они призывали проголосовавших за них крестьян «быть наготове к активной защите Учредительного собрания от посягательств на его верховную волю» [25]. Земские самоуправления также заявляли протесты «насилию большевиков, игнорировавших мнение всей России и повсеместно внедрявших советы вместо земств и дум» (ГАРФ. Ф. 1781. Оп. 1. Д. 8. Л. 52). Впрочем, там, где советская власть была угрожающей перспективой, а не реальностью, земства не особенно вникали в перипетии борьбы политических партий за власть, занимаясь текущими организационно-хозяйственными делами (ГАПО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 681. Л. 63–65).

Необходимо отметить, что первоначально большевики предполагали осуществлять сотрудничество между властью в лице советов и органами местного самоуправления. Самарские большевики, например, объясняя свои действия, 28 октября 1917 г. заявляли: «...ближайшей задачей новой власти должно быть содействие местным самоуправлениям, а не нелепой басне о том, что как только власть перейдет к Советам, большевики начнут “выступать”, “громить”, “захватывать”...» [20]. Однако сопротивление дум и земств, через которые эсеры пытались пресечь властную экспансию советов, способствовало изменению позиций большевиков к органам местного самоуправления. Не образовались в Поволжье, как в некоторых окраинных и даже центральных губерниях страны, коалиционные советско-земско-думские органы власти, умеренно-социалистические по своей политической ориентации [3, с. 178].

В тех губерниях Поволжья, где для большевиков сложилась неблагоприятная расстановка политических сил в октябре–ноябре 1917 г., им тем не менее удалось склонить на свою сторону сначала советы рабочих и солдатских депутатов, а затем раско-

лоть советы крестьянских депутатов. Таким образом была предотвращена возможность создания антибольшевистской коалиции дум, земств и советов в Симбирске и Пензе. Произошло это из-за непримиримости умеренных социалистов, не желавших перехода власти к советам даже на коалиционной основе и стремившихся сохранить административные органы Временного правительства до Учредительного собрания. Таким путем эсеры стремились вернуть себе власть. Накануне выборов в Учредительное собрание эсеры убеждали голосовать за свою партию как единственного защитника народа не только от большевиков, «посягнувших на свободное волеизъявление граждан», но и от «кадетов, не являвшихся социалистами» [8].

Для обеспечения материальной силы своей власти большевики обратились к крестьянству, декретируя его главное требование в революции – уравнительный земельный передел. На Чрезвычайном и II Всероссийском съездах крестьянских депутатов сформировался блок большевиков и левых эсеров. Последние осудили позицию Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, требовавшего «восстановления законного Временного правительства» (ГАРФ. Ф. 3875. Оп. 1. Д. 8. Л. 1об.). II Всероссийский крестьянский съезд избрал новый состав ЦИК, который совместно со ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов второго созыва должен был провести в жизнь его постановления. Здесь же окончательно оформился раскол партии социалистов-революционеров.

Очередные губернские крестьянские съезды, созывавшиеся в Поволжье в ноябре–декабре 1917 г., решали, как и Всероссийский, прежде всего вопрос об организации новой власти на местах. Эсеры, монополизировавшие в регионе руководство крестьянскими организациями, стремились не допустить участия большевиков в работе съездов, но оградить крестьянских депутатов от общения с представителями рабочих и солдатских советов они не могли. Так губернские крестьянские съезды стали ареной яростного противоборства радикальных и умеренных политических сил, отстаивавших принципиально различные формы осуществления политической власти. В охваченном крестьянской войной за землю Поволжье победить могли лишь радикальные политические силы, но делегатов съездов предстояло убедить в преимуществах предлагаемой радикалами формы власти.

Политическая борьба в России обострилась в связи с проблемой созыва, работы и роспуска Учредительного собрания. ЦК РСДРП(б) в письмах на места и газетных статьях заявлял, что его отношение к Учредительному собранию будет зависеть от признания им советской власти, изданных ею декретов и деклараций [11, с. 312]. Одновременно В.И. Ленин априори заявлял, «что республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная республика с Учредительным собранием» [17, с. 162].

На губернских и уездных крестьянских съездах, проходивших в поволжских губерниях в ноябре–декабре 1917 г., в числе других обсуждался также вопрос об отношении к Учредительному собранию. Еще до его созыва некоторые крестьянские съезды оговаривали успешную работу Учредительного собрания признанием советской власти (ГАПО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1. Л. 33), ее первых декретов, «осуществлением и закреплением уже завоеванных позиций» (ГУСО ЦГАСО. Ф. 823. Оп. 2. Д. 14. Л. 202). Уездные съезды были более требовательны к будущей конституанте, чем губернские. Так, делегаты IV Инсарского уездного съезда Пензенской губернии потребовали от Учредительного собрания разрешения вопросов о мире, земле и рабочем контроле. Они признали необходимым «обновление его состава посредством пере выборов в отдельных избирательных округах под руководством местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов... Всякую попытку Учредительного собрания вступить в борьбу с Советами» они постановили «считать посягательством на

завоевание революции и решительно этому противодействовать» (ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 13. Л. 33). Заседавший 28 декабря 1917 г. Сенгилеевский уездный крестьянский съезд Симбирской губернии потребовал «немедленного ареста тех членов Учредительного собрания, которые попали в него только благодаря неграмотности народа», и наказал «строго следить за его работой» (ГАУО. Ф. 46. Оп. 10. Д. 221. Л. 3).

Упорная борьба за крестьянство между эсерами и большевиками развернулась в Самарской губернии. Умеренные социалисты от имени Исполкома губернского Совета крестьянских депутатов в обращении от 22 декабря 1917 г. призвали крестьян сплотиться вокруг Учредительного собрания (ГУСО ЦГАСО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 3. Л. 12). 2 января 1918 г. крестьянский Совет разослал по губернии телеграмму, призвав «на созываемые большевиками 5 января уездные съезды делегатов не выбирать» (СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 209. Л. 17). Большевистские агитаторы «подготавливали делегатов из сел, в низах пошла борьба бедноты во главе с демобилизованными», которой удалось избрать «своих представителей на губернский съезд Советов» (СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 207. Л. 115, 116). В результате V Самарский губернский крестьянский съезд, открывшийся 12 января 1918 г., признал «ропуск Учредительного собрания Советом Народных Комиссаров вполне правильным», поскольку оно «в большинстве своем состоявшее из правых социалистов-революционеров и кадетов не признало власти трудового народа в лице Советов, не признало декретов Советов, не признало завоеваний Великой Октябрьской революции, — этим оно пошло в разрез чаяниям трудового народа» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 15. Л. 9).

В действительности Учредительное собрание не только не успело принять антисоветских постановлений, но, судя по стенограмме его заседаний, и не собиралось этого делать. Наоборот, оно прилагало усилия для поиска совместных согласованных решений всех партийных фракций по сложным вопросам социально-экономического и политического характера [21, с. 309, 310]. Но большевики все сделали для того, чтобы опорочить Учредительное собрание, т. к. не имели в нем большинства, в связи с чем легитимность их власти могла быть подвергнута сомнению. Например, делегаты V Симбирского губернского крестьянского съезда, состоявшегося 20–25 января 1918 г., одобрили роспуск Учредительного собрания, заявив, что оно «выявило свою контрреволюционную сущность» (ГАУО. Ф. 46. Оп. 10. Д. 223. Л. 8). Заметим, что из 149 наказов, привезенных делегатами на съезд, только 65 содержали требование утверждения советской власти; 36 — высказывались за передачу власти Учредительному собранию; 16 — колебалось и в 32 наказах этот вопрос не обсуждался. Даже в тех случаях, когда поддерживалось Учредительное собрание, указывалось на необходимость изгнания из него представителей партии кадетов, а доверие выражалось постольку, «поскольку оно будет отвечать требованиям трудового народа» (ГАУО. Ф. 46. Оп. 10. Д. 228. Л. 3). На самом съезде при обсуждении доклада о текущем моменте ни один из представителей с мест не высказался в защиту Учредительного собрания, а упоминание о нем ораторов вызывало протесты делегатов (ГАУО. Ф. 46. Оп. 10. Д. 228. Л. 5).

Исполнительный комитет Казанского губернского Совета крестьянских депутатов постановил не только одобрить роспуск Учредительного собрания, но и напечатать «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» в газете, кроме того, «отдельной листовкой на русском, мусульманском, черемисском, чувашском языках» и разослать эти материалы в деревни для разъяснения (НАРТ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 42. Л. 1об.). Национальные политические силы, представлявшие половину делегатов Учредительного собрания от Казанской губернии, также раскололись. Умеренные национальные социалисты называли политику советского правительства несостоятельной «в области социального творчества и переустройства России на началах подлинного

признания за всеми населяющими ее народами права на территориальное и культурно-национальное самоопределение». Левосоциалистические национальные силы заявили: «Учредилку разогнали... потому что она шла наперекор желаниям бедного народа... не приняла декретов правительства... о немедленном прекращении войны, передачи власти в стране трудящимся... О запрещении буржуазии в дальнейшем грабить народ» [26, с. 159, 160]. Социальные интересы большинства довели в действиях национальной политической элиты.

На всех губернских и уездных крестьянских съездах, проходивших в связи с установлением советской власти в деревне, была одобрена тактика большевиков в отношении Учредительного собрания. В.И. Ленин впоследствии констатировал: «В России в сентябре–ноябре 1917 года рабочий класс городов, солдаты и крестьяне были, в силу ряда специальных условий, на редкость подготовлены к принятию советского строя и к разгону самого демократического буржуазного парламента» [16, с. 43]. Действительно, крестьянские съезды, сначала условно поддерживая Учредительное собрание, затем не только не сожалели, но и одобрили его роспуск большевиками. Советские историки считали это следствием успешной агитационно-пропагандистской деятельности большевистской партии [6, с. 284; 11, с. 348], политики-эмигранты первой войны — коллективным помрачением массового сознания [9, с.177], современные исследователи активно эксплуатируют тезис о победе традиционализма над модернизацией по западному образцу [1, с. 183; 18, с. 159; 21, с. 224]. Скорее всего, мимикрия большинства социума в отношении идей и практики Учредительного собрания в России объяснима всем комплексом названных причин, которые требуют специального непредвзятого изучения.

Поддержка на местах роспуска Учредительного собрания советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов способствовала укреплению советской власти. Ее легитимность была подтверждена в ходе совместных заседаний III Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов, начавшего работать 10 января 1918 г., и III Всероссийского съезда крестьянских депутатов, открывшегося 13 января 1918 г. Предварительно между ЦК большевиков и ЦК левых эсеров была достигнута договоренность об этом объединении [12, с. 88]. Здесь были одобрены «все декреты и постановления новой народной Советской власти» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 15. Л. 8). Съезд подвел итог ожесточенной борьбы политических партий за крестьянство, развернувшейся в провинции после захвата власти большевиками. В ходе нее не только демократические, но и умеренно-социалистические партии потеряли опору сначала среди рабочих, солдат, а затем и крестьян. Они вынуждены были признать, что «стоило большевикам усилить работу в массе крестьян, как и не трудно стало сделать их большевиками» [19].

На III Всероссийском съезде произошло объединение советов, что привело к созданию единообразной системы советской власти. Таким образом была законодательно оформлена новая форма российской государственности. На местах этот процесс в ряде случаев опережал центр. В Поволжье объединение советов обычно осуществлялось на губернских и уездных крестьянских съездах, к началу работы которых приурочивались съезды Советов рабочих и солдатских депутатов [14, с. 90–96]. На объединенных заседаниях создавались совместные исполнительные органы советской власти, которые должны были выполнять директивы ВЦИК Советов «по коренной ломке старых буржуазно-бюрократические учреждений, полном разрыве с буржуазией и беспощадной борьбе с капитализмом до полного его уничтожения» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 15. Л. 8). В Казанской, Саратовской и Пензенской губерниях объединение советов произошло в ходе установления советской власти еще до III Всероссийского съезда, а в Самарской и Симбирской губерниях — на основе его решений в январе 1918 г.

В течение января—марта 1918 г. в провинции завершился процесс слияния советов в губернских и уездных центрах, шло интенсивное образование волостных и сельских советов. Первоначально большинство советов, взяв власть, пытались использовать органы местного самоуправления, лишь ограничивая их деятельность «ведением хозяйственной части» под своим контролем. При этом они постоянно подчеркивали, что «политическим строем ведают советы» (ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 13. Л. 25). После объединения губернских советов рабочих и солдатских депутатов с крестьянскими не только в центре, но и на местах усиливается тенденция к ликвидации дум и земств как чуждых новой власти общедемократических структур [18, с. 149]. По инициативе местных советов и съездов принимались решения о соединении функций администрации и самоуправления в единой структуре советской власти.

Большевики, добившись власти через советы, стремились предотвратить неизбежную для них конкуренцию со стороны демократических органов самоуправления. Губернские, уездные съезды советов и даже исполкомы советов принимали постановления по унификации власти в пределах своего ведения. В соответствии с решениями III Всероссийского съезда Советов на местах реорганизовывали «земельные комитеты и сельскохозяйственные отделы земств в отделы народного сельского хозяйства при советах» (ГУСО ЦГАСО. Ф. 823. Оп. 2. Д. 14. Л. 216). На практике чаще всего реорганизация превращалась в ликвидацию земств [4, с. 234] и утрату их опыта организации сельского самоуправления. Еще меньше советы церемонились с думами. Например, Самарский губисполком 14 января 1918 г. принял «Декрет о власти в губернии», объявив Совет единственной властью и распустив все органы городского и земского самоуправления. Вслед за этим был утвержден проект организации Самарского Совнархоза, которому передавались все функции упраздненной городской управы. Там, где земства и думы пытались протестовать против актов насилия, они попросту разгонялись вооруженными красногвардейскими отрядами» [13, с. 260].

Для организованной ликвидации не только земств, но и разнообразных крестьянских комитетов, действовавших при Временном правительстве, большевики также использовали крестьянских съезды. Так, крестьянская секция Саратовского губисполкома 7 января 1918 г. приняла решение о созыве уездных крестьянских съездов с целью установления советской власти и ликвидации земства. На состоявшихся уездных съездах были объединены советы, которым передавалась вся полнота власти, приняты решения об организации волостных и сельских советов там, где их еще не было, о ликвидации уездных и волостных земств [4, с. 232–235]. В тех местностях, где советы были уже организованы, после III Всероссийского съезда Советов «приступили к перевыборам советов, привлекая солдат, отпускаемых из армии» (НАРТ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 1. Л. 77). Раньше всех этот процесс начался в Казанской губернии, т. к. здесь не только большевики, но и левые эсеры активно участвовали в вытеснении из уездных советов эсеров умеренного направления. Необходимость перевыборов уездные крестьянские съезды мотивировали тем, что в них «много эсеров», которые «на словах поддержали Советы, а на деле вели агитацию против большевиков» (НАРТ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 2. Л. 52). Земства, по мнению делегатов съезда, были «антидемократичны по своему составу» (НАРТ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 2. Л. 55) и распустились их решениями.

Сложнее в сельской местности происходило преобразование земельных комитетов, которые должны были стать структурными отделами местных советов. Земельные комитеты, в отличие от советов, были общесословными учреждениями и не могли быть включены в систему власти диктатуры пролетариата. В.Н. Гинев детально проанализировал перипетии достижения компромиссов между большевиками и левыми эсерами по этому вопросу [5, с. 275–280]. Против «разрушения земельных комите-

тов» решительно выступил ЦК ПСР (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 15. Л. 9), усмотревший в наступлении на низовые крестьянские комитеты ущемление организационных и идейных принципов народничества. Все аграрные проекты социалистов-революционеров от создания партии по 1917 г. включительно предусматривали социализацию земли через специальные органы крестьянского самоуправления.

После разгона Учредительного собрания умеренные социалисты уже не имели рычагов влияния на ход событий не только в центре, но и в провинции. Левые эсеры из конъюнктурных соображений поддержали большевиков и по вопросу о реорганизации земельных комитетов. Крестьянские съезды, проходившие в январе—марте 1918 г., повсеместно поддержали унифицированную систему советской власти без каких-либо местных особенностей. Из национальных политических сил в советское строительство были допущены лишь лево-радикальные социалисты (ГАПО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1. Л. 133; ГАУО. Ф. 200. Оп. 2. Д. 1. Л. 5; НАРТ. Ф. 2648. Оп. 2. Д. 17. Л. 3; ГОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 207. Л. 72). Многообразие демократических общественно-политических структур, функционировавших при Временном правительстве, с установлением советской власти было ликвидировано.

Не нашла достаточной поддержки рабочих, солдат и крестьян и довольно популярная прежде идея о том, что только Учредительное собрание может решить вопрос о будущем государственном устройстве России. Позиции большинства низовых советов, комитетов, съездов выразились в заявлениях о том, что Учредительное собрание должно утвердить советскую власть и все ее декреты. Разгон большевиками российской конституанты на местах был встречен равнодушно, т. к. насущные социальные задачи, выдвинутые в революции, советская власть провозгласила раньше. III Всероссийский съезд, объединивший советы рабочих и солдатских депутатов с крестьянскими советами в единую структуру, выполнил функции конституирования советской власти.

Библиографический список

1. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.
2. Бэдкок С. Переписывая историю российской революции: 1917 год в провинции // Отечественная история. 2007. № 4. С. 103–112.
3. Вронский О.Г., Щагин Э.М. Большевистский режим и крестьянство России в 1917–1920 гг. // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М., 1994.
4. Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М.: Владос, 1990. 285 с.
5. Гинев В.Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Л.: Наука, 1977. 296 с.
6. Городецкий Е.Н. Рождение советского государства. 1917–1918. М.: Наука, 1987. 351 с.
7. Городской вестник. Самара. 1917. 2 ноября.
8. Дело народа. Петроград. 1917. 12 ноября.
9. Деникин А.И. Очерки русской смуты: в 5 т. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917). М.: Наука, 1991. 520 с.
10. Земля и воля. Самара. 1917. 2 ноября.
11. Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. Л.: Наука, 1976. 362 с.
12. Ионкина Т.Д. Всероссийские съезды Советов в первые годы пролетарской диктатуры. М.: Наука, 1974. 278 с.
13. Кабытова Н.Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Самара: Изд-во СамГУ, 2002. 260 с.

14. Кабытова Н.Н., Кабытов П.С. В огне гражданской войны. Самара: Изд-во СамГУ, 1997. 91 с.
15. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Изд-во Д. Буланин, 2001. 349 с.
16. Ленин В.И. Детская болезнь левизны в коммунизме // Полн. собр. соч. Т. 41.
17. Ленин В.И. Тезисы об Учредительном собрании // Полн. собр. соч. Т. 35.
18. Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917–1922 гг. М.: Диалог МГУ, 1997. 356 с.
19. Наш путь. Пенза. 1917. 19 декабря.
20. Приволжская правда. Самара. 1917. 28 октября.
21. Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. 368 с.
22. Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: РОССПЭН, 2008. 463 с.
23. Семьянинов В.П. Органы советской системы управления в деревне: первые шаги становления // Советское государственное управление и самоуправление. Очерки истории. М., 1997.
24. Сенявский А.С. Великая русская революция 1917 года в контексте истории XX века // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования. СПб., 2008.
25. Симбирское слово. 1917. 29 ноября.
26. Тагиров И.Р. В борьбе за власть Советов (Октябрь и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале, июль 1917- март 1918 гг.). Казань, 1977.
27. Юрченко В.В. О некоторых правовых аспектах решения II съезда Советов об установлении советской власти и его последствиях // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996.

*N.N. Kabytova**

LEGISLATIVE LEGALIZATION OF SOVIET POWER IN RUSSIA (1918)

In the article the process of legislative legalization of Soviet power in the center and on places after the dissolution of the Constituent assembly and consolidation of councils of working and soldier's deputies with peasant councils is analyzed.

Key words: Councils of working, soldier's, and peasant deputies, Constituent assembly, Bolsheviks, left socialists-revolutionaries.

* *Kabytova Nadezhda Nikolaevna* (kabpetr@ssu.samara.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.